

Елена Федина

Малый лев

Преддверие. I

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Е50

Елена Федина
Е50 Малый лев: Преддверие. I / Елена Федина – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2026. – 368 с.

ISBN 978-5-6055644-2-3

Цикл про золотых львов из созвездия Малого Льва открывают две истории, случившиеся на Земле, где ещё остались потомки вымершей расы белых тигров.

Первую историю поведал музыкант, на чей голос белая тигрица вышла из леса. Это исповедь человека, наделённого талантом и не знающего, как его реализовать, не предавая себя и свою любовь. Но выбор сделан, и ему придётся пройти свой путь до конца.

Во второй появляются надменные сородичи тигров, сверхлюди — эрхи. Они рациональны и безупречны, но их стремление к совершенству чуждо миру обычных людей. Безумный король, незаконно получив от них силу, выбирает себе наследника. И только Кристиан Дерта чудом выдержал испытание. Он победил, но ему придётся столкнуться и с эрхами — и узнать правду о себе.

ISBN 978-5-6055644-2-3

© Lennex Corp, 2026
© Елена Федина, 2026

Елена Федина

МАЛЫЙ ЛЕВ

Преддверие. I

Москва

Интернациональный Союз писателей

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ф32

Продюсер проекта Елена Наливина

Федина, Елена

Ф32 Малый лев. Преддверие. I / Е. Федина. — Москва : Интернациональный Союз писателей, 2026. — 368 с.

ISBN 978-5-6055644-2-3

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ
ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ
ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЁТ УСТАНОВЛЕННУЮ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.**

Цикл про золотых львов из созвездия Малого Льва открывают две истории, случившиеся на Земле, где ещё остались потомки вымершей расы белых тигров.

Первую историю поведал музыкант, на чей голос белая тигрица вышла из леса. Это исповедь человека, наделённого талантом и не знающего, как его реализовать, не предавая себя и свою любовь. Но выбор сделан, и ему придётся пройти свой путь до конца.

Во второй появляются надменные сородичи тигров, сверхлюди — эрхи. Они рациональны и безупречны, но их стремление к совершенству чуждо миру обычных людей. Безумный король, незаконно получив от них силу, выбирает себе наследника. И только Кристиан Дерта чудом выдержал испытание. Он победил, но ему придётся столкнуться и с эрхами — и узнать правду о себе.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6055644-2-3

© Елена Федина, 2026
© Интернациональный Союз писателей, 2026

Белая тигрица

Стоял июль. Темнело поздно. Ещё не растаяла вечерняя заря над крышами, а улицы уже опустели. Город готовился ко сну.

— Ну что? Ещё раз испытаем удачу? — сказала Нолли. — Постучимся в первый попавшийся дом и попросимся переночевать?

— Давай, — согласился я, — только чует моё сердце, ночевать мы будем под мостом: народ здесь какой-то неприветливый.

— Нам повезёт. Нам постоянно везёт в последнее время, ты заметил?

— Судя по тому, что нас ещё не поймали...

Мы рассмеялись, и наш смех гулко отозвался где-то в тупике. Нолли шла впереди меня, выбирая, куда бы постучать. Я во всём положился на её интуицию. Везло ей, а не мне. Я вообще человек невезучий, но Господу Богу было за что невзлюбить меня, поэтому я на Него не в обиде.

Нолли остановилась. Дом, который ей приглянулся, ничем не отличался от остальных, стоящих в ряд по улице Оружейников: два этажа по три окна, дверь с кольцом, над дверью навес с ажурными завитушками, серые стены и оконные рамы, увитые плющом.

— Вот, — улыбнулась Нолли, — стучи.

— Хорошо. Только говорить будешь ты.

Она была такая хорошенькая, глаза такие невинные и удивлённые, а рот такой детский, что только чудовище могло захлопнуть дверь у неё перед носом. Я ей так и сказал. Она подмигнула мне и поднялась на крыльцо.

Хозяйка впустила нас почти сразу. Не знаю, везенье тому причиной или очарование Нолли, но через пять минут мы сидели в гостиной за дубовым столом, а черноволосая женщина с усталым лицом разливала нам молоко по кружкам и резала толстыми ломтями чёрный хлеб.

— Куда же вы идёте? — спросила она, присаживаясь к нам за стол.

— Скорее не куда, а откуда, — объяснил я, — мы сбежали от родителей, чтобы обвенчаться. Теперь скрываемся. В гостиницах, сами понимаете, мы не рискуем ночевать.

— Понимаю. Родители были против?

— Все были против! — сказала Нолли чуть ли не с восторгом. — Но мы всё равно сбежали. Потому что мы не можем друг без друга, правда, Мартин?

— Да, любовь моя, конечно.

Хозяйка грустно улыбнулась и посмотрела на нас как на цыплят, ласково и снисходительно.

— Ну что ж, буду рада вам помочь, раз вы любите друг друга. Живите у меня, сколько хотите.

Нолли определённо везло!

— А ваш муж не будет против? — Я спросил, потому что по множеству примет в доме чувствовалось присутствие мужчины.

— У меня нет мужа, — сухо сказала хозяйка, — мы живём с братом.

— А брат? Он не будет возражать?

— Брат? — Тут она невольно улыбнулась. — Он не будет. Вы остаётесь?

— Нам просто неудобно...

— Да что вы, дом всё равно пустой. А если у вас нет денег...

— У нас есть деньги.

Я видел, что Нолли очень хочет остаться. Она уже устала от бродяжничества и вечного страха быть пойманными.

— Мы с удовольствием поживём у вас немного, — сказал я, — пока Нолли не отдохнёт. Да и мне, честно говоря, надое-ло скитаться.

— Я вас прекрасно понимаю, — улыбнулась хозяйка. — Мы с братом вот уже десять лет скитаемся по разным городам. Больше полугода нигде не живём.

— Тоже скрываетесь от кого-то?

— Да. От отца.

Нолли почему-то вздрогнула и прижалась ко мне плечом.

— Что же отец вам сделал?

— Мне — ничего. Но брата он просто ненавидел, я не могла больше видеть, как отец над ним издевается. Когда мне было семнадцать лет, а брату четырнадцать, мы сбежали из дома. Просто так, в никуда. Просто вышли однажды на рассвете, взявшись за руки...

— Значит, вы недавно в Тарлероле?

— Полгода.

— А знаете, что я забыл спросить?

— Что?

— Как вас зовут.

— Меня зовут Изольда.

Ей шло это имя, красивое и холодное. Изольда! На меня внезапно напало вдохновение, наверно, от усталости или оттого, что всё надоело.

«На берегу северного моря, в ледяной пустыне, в домике из снежных плит жила женщина с зелёными глазами, зелёными как... как... ну как же? Как трава-осока. Но она никогда не

видела травы, ни осоки, ни ковыля, ни репейника. Она видела только снег и лёд. Её звали Изольда...»

Когда она ушла на кухню, чтобы разогреть ужин, Нолли укоризненно посмотрела на меня:

— Мартин! Ну, зачем ты сказал, что у нас есть деньги?

— Потому что они есть.

— О боже! Но ведь это подозрительно, как ты не понимаешь?! Бедная влюблённая парочка — и такие деньги!

— Я же не сказал сколько. Чего ты испугалась, в самом деле?

Она посмотрела растерянно, дёрнула острым плечиком, прикрытым белым локоном, и смущённо улыбнулась:

— Не знаю... я всего боюсь.

Ей очень шла растерянность. Она казалась тогда ещё моложе и прелестней. В такие минуты я даже жалел, что сбежал именно с ней.

— Ты просто устала, Птичка.

Под звон посуды на кухне, уверенные, что хозяйка не придёт, мы долго целовались в этом чужом случайном доме.

— А почему у тебя было такое странное лицо, когда она говорила?

— Нолли, представь себе такую бесконечную ледяную пустыню...

— Опять новая сказка? Ну откуда ты их берёшь, а?

— Они сами меня находят. Они вокруг. Брат и сестра убегают от жестокого отца... Чем не начало?

— Или так: двое влюблённых убегают от... — Нолли опасно оглянулась, как будто кто-то мог стоять за спиной и подслушивать.

— От её свирепого мужа, — закончил я, и она тут же закрыла мне рот ладошкой.

— Ты меня любишь?

Я кивнул, потому что рот был закрыт.

Послышался лязг замка. Нолли соскочила с моих колен и усе-
лась за стол.

— Кажется, хозяин!

Хозяин был горбат. Всё остальное, включая улыбку, у него было прекрасно. Он был в чёрном трико, башмаки, куртка и пояс из жёлтой кожи, волосы русые, глаза серые, спокойные, на сестру не похож ни капли. Кажется, я понял, за что мог ненавидеть его отец: не за уродство, нет, убогих детей обычно жалеют и любят как раз больше всех, а за немыслимую, издевательскую смесь уродства и красоты. За то, что мог бы стать богом, если б не самая малость — горб на спине! Впрочем, это была только моя фантазия.

Нолли ущипнула меня за рукав. Я понял её нервный жест. Это был тот самый горбатый акробат, на которого мы так долго смотрели на рыночной площади, и я ещё удивлялся, как можно при таком физическом недостатке иметь такую гибкость и силу. Пожалуй, он мог бы стать одним из королевских шутов, если б Эрих Третий, любитель подобных развлечений, приехал бы в Тарлероль и заглянул на рыночную площадь.

— Если я что-то понимаю, у нас гости, — дружелюбно сказал акробат.

— Это Мартин и Нолли, — ответила ему откуда-то из дверей сестра, — они сбежали от родителей и теперь скрываются. Пусть поживут у нас немного, ты не против, Ольвин?

— Я не против.

— Вот и отлично. Давайте теперь ужинать.

За столом мы не столько ели, сколько рассматривали друг друга. Я опять поразился, насколько отличались брат и сестра. Он весь был какой-то светлый, ясный, улыбчивый, словно изнутри светился, смотрел прямо, отвечал охотно, верил всему и сразу как человек, который сам никогда не врёт. Сестра же была смуглая, серьёзная, чем-то своим озабоченная и потому казавшаяся старше всех нас, даже когда смеялась. Меня поразило какое-то

безумное множество чёрных волос, собранных на затылке в огромный узел, падающих на плечи, на грудь, на спину, завитушками лежащих на белой скатерти и на её согнутых локтях...

— Вообще-то, в городе беспокойно, — заметил Ольвин, — барон Оорл опять что-то не поделил с герцогом, так что его дружина часто навещается в Тарлероль, и не дай бог им подвернуться.

— Барон Оорл? — переспросил я. — Тот самый, что отравил покойного короля?

— Ну, это сплетни. Никто никого не травил. Эрих Второй умер сам, от сыпной лихорадки.

— А я слышал...

— Это случилось в наших местах, нам лучше знать. Да и зачем Оорлу было убивать короля, если он был его любимцем? Ни один герцог не имел столько прав, сколько этот барон. Он и теперь по привычке думает, что ему всё позволено. Дождётся когда-нибудь...

— Ну что ж, постараемся не попадаться ему на глаза, — усмехнулся я, — правда, Нолли?

Она кивнула и откусила горбушку. Изольда подлила ей супа в обмелевшую тарелку:

— Ешь, детка, ты такая худенькая.

— Правильно, — согласился я и положил рядом с ней большой кусок пирога, — вот тебе ещё.

— И ещё, — сказал Ольвин и подвинул к ней чашку с мёдом.

— Мне это нравится! — засмеялась Нолли. — Давайте я буду вашей маленькой дочкой?

— Маленькой сестричкой, — поправил Ольвин.

Изольда кивнула:

— У нас в самом деле есть маленькая сестричка, и мы по ней очень скучаем.

— А где же она?

— Дома.

— А где ваш дом?

Хозяева переглянулись и как-то замялись с ответом.

— А хотите, мы покажем вам завтра город? — спросил Ольвин.

— Конечно, — сразу закивал я, — мы же ничего тут не знаем.

Мне тоже поскорей хотелось уйти от щекотливой темы, потому что дальше мог последовать вопрос, где наш дом, и пришлось бы снова врать. И вообще, каждый имеет право на тайну.

Мне было хорошо в этом доме. Мне нравилась эта старая мебель, этот фасолевый суп, этот разговор ни о чём, эти люди, которые ничего от тебя не требуют, тишина, тиканье часов, и это было всё, что мне нужно для счастья. Хотелось просто уснуть, обнять Нолли, уткнуться носом в её светлые кудряшки и провалиться в сон, а утром пойти осматривать город. Будет солнечно и жарко, будет интересно и весело, если только не попадёмся под горячую руку барону Оорлу или ещё кому-нибудь похуже.

Нолли облизнула ложку с мёдом и надула щёки.

— Уф! Я наелась.

— Показать вам комнату? — спросила Изольда.

— Давайте сразу договоримся о деньгах, — сказал я.

Горбун удивлённо распахнул чистые серые глаза:

— Каких ещё деньгах?

— Ну как же?

— Я зарабатываю деньги другим способом.

— Да, мы видели...

— Идёмте, — позвала Изольда.

В комнате, такой же простой и уютной как гостиная, пахнувшей деревом, смолой, яблоками и ещё неизвестно чем, как только за нами закрылась дверь, Нолли дёрнула меня за рукав и заговорила сердитым шёпотом:

— Ты с ума сошёл? Зачем ты предложил ему деньги?

— Да что такого?

— Он же святой, ты разве не понял?

— Ого!

— Я серьёзно.

— А если серьёзно, то у меня в сумке полный кошелёк золотых дорлинов, и я не собираюсь жить за счёт бедного акробата, да ещё и Богом обиженного.

— Замолчи, Мартин! Как ты можешь так о нём говорить?!

— Нолли, детка, если я что-нибудь понимаю, ты в него влюбилась?

— Ничего ты не понимаешь! Как будто, кроме этой любви, и не существует ничего!

Это говорила девушка, которая сбежала со мной от мужа на край света, которая всё бросила и стойко переносила все тяготы бродячей жизни. Я вдруг понял, что совсем её не знаю:

— А что же тогда?

— Просто... он святой.

— Что-то раньше тебя святость не прельщала. Скорее уж наоборот.

Она уставилась на меня удивлённо:

— Ты прав. И Бога нет, и люди — волки... и мы с тобой. Он, конечно, такой как все, просто захотелось, чтобы кто-то был... так вдруг захотелось! Как будто к солнцу из подвала...

Она грустно села на кровать, сбросила стоптанные башмаки, вынула заколку из волос. Она была маленькая, усталая и даже некрасивая, просто милая своей юностью и оптимизмом, который куда-то вдруг исчез.

— Не смотри на меня... это пройдёт. И не ревнуй, бога ради, это совсем, совсем не то...

Она долго и тихо плакала в подушку, потом наконец успокоилась и устроилась у меня на плече.

— Нам здесь хорошо будет, правда? Всё так просто, так чисто. Смолой пахнет, чувствуешь?

— И яблоками...

